

Александр Мазин
ВОЛКИ ОДИНА

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М13

Серия «Стратегия»
Художник обложки *В. Гурков*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

М13 **Мазин, Александр Владимирович**
Волки Одина / Александр Мазин.— Москва: АСТ,
2015.— 375, [1] с.— (Стратегия).

ISBN 978-5-17-088908-2

Александр Первенцев возвращается в Стратегию.
Он уже полноценный игрок. И его снова ждет мир викингов, Мидгард.

Саньку нужна Игра, чтобы спасти друга.

А Стратегия сама выбирает тех, кто ей нужен.

Кому-то достаются сила, богатство, бонусы, а кому-то — бесславная смерть в одной из Игровых зон. И мертвым все равно, кто их убил: берсерк-викинг или простой воин клана.

Результат один: ты проиграл. Игра закончена. Все как в жизни. Второго шанса не будет.

Даже если нарушен один из законов Игры.

Вот только Александр Первенцев, игрок первого уровня, Черный Сфинкс, с таким подходом не согласен.

Подписано в печать 30.11.14.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 12 000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Александр Мазин, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Сплоченная линия щитов. Тусклые полушария шлемов. Железные рога копий. Бросок — и железо порвет Санькино мясо, заскрежещет по живым ребрам, нанижет Санька на себя, как поросенка — на шампур. На дюжину шампуров. Санёк пятился, пока не уперся спиной в скалу.

Лиц Санёк не видел. Только глаза над краями щитов. Зачем им щиты? В руке у Санька — учебная шпага с накопником под электроконтакт. Бессмысленная спортивная игрушка...

Санёк успел увидеть начало атаки. Строй шагнул вперед, все одновременно, будто гигантская многоножка. Санёк увидел пыль, взбитую подошвами (периферийным зрением), увидел, как стремительно вырастают копейные острия... Зажмурился... И почувствовал, что проваливается куда-то, падает спиной, летит...

Мгновенное облегчение от того, что успел. Не достали. И сразу — ужас полета, понимание — сейчас разобьется.

Ох! Санёк обнаружил, что сидит в кресле перед компом.

Читал матан — и вырубился. Заснул. А разбудил его звонок по скайпу.

Лица.

«Здравствуй, мой Санечка...»

Санёк стер рукавом пот со лба. Только после этого ответил.

Попрощались около трех ночи. На душе у Санька было светло и ясно. Лика, Лика, Лика... Она прилетит на Новый год. Через два месяца.

— Я соскучился,— произнес Санёк вслух.— Я хочу тебя, Лика.

Прозвучало неубедительно. Очень уж хотелось спать. А подъем — в восемь тридцать.

Санёк отрубил комп и побрел в ванную. По пути аккуратно прикрыл дверь в родительскую спальню. Не разбудить. В ванной посмотрел на себя в зеркало. Хорошо, когда щетина светлая. Не так заметно. Завтра побриться точно не успеть. И зарядку — не успеть. И... Сработал таймер щетки.

Укладываясь в постельку, Санёк подумал: «Опять будет кошмар». Хотя у него есть средство. Полез в ящик, вынул ножи, сунул под подушку. В чехлах, естественно. Взял брелок со сфинксом. Ключ от двери, о которой ничего не известно. Уронил обратно. Поглядел на персонального сфинкса: татушку на руке. Совсем бледная стала. Может, со временем вообще исчезнет? Всё, спать.

...И провалился по пояс в сугроб.

— Ты, чужак, я тебе печень выну и сожру!

Ярл Хрогнир Хитрец стоял напротив, точнее, не напротив, над Саньком, потому что на ярле были снегоступы и наст его держал. Стоял и поигрывал мечом. Ступня ярла, в меховом, разукрашенном бисером и серебром сапоге,— в полуметре от Санька. Вот по этой ступне он и ударил. Рубанул наискось выброшенным из рукава ножом и сразу откинулся назад, уходя от длинного росчерка ярлова клинка. Он успел, Санёк, а ярл — нет. Красное на белом...

Глава первая

Санкт-Петербург. Сергей Кожин. Кровь

— **Т**ы? Меня? За что? — Алое пятно расплзлось по белой куртке, стремительно набухающей кровью.

Серёга пятился, пока не уперся в стену. Он не понимал. Глядел то на свои руки, то на жуткое пятно.

Машунька всхлипнула и как-то разом обмякла, осела на тротуар, повалилась на бок.

— Как же... что же... — бормотал Серёга, глядя на свои не очень чистые, но совсем невооруженные ладони. Он ничего не понимал. Он же просто оттолкнул Машуньку. Даже не очень сильно оттолкнул. Ну что ж ему было? Позволить себе по морде заехать?

— Машунька... — проговорил он. — Машунька, это не я, не я...

Откуда столько крови? Что это было, вообще? Может, у нее там ножик был, под курткой? Острием внутрь? «Скорую?» — Серёга схватился за телефон...

И ничего не набрал. Что он скажет?

Я убил свою девушку, не знаю как...

А может, не убил? Может, фигня какая?

Серёга кинулся к Машуньке, расстегнул куртку. Блузка шелковая, и тоже кровь, кровь... Остановить!

Серёга замер... Блузка была целой! И куртка была целой! А кровь хлестала так... Как вода из крана.

Машунька уже ничего не говорила... Глаза закатились...

Серёга посмотрел на свою руку. Вся теперь в крови. И вдруг ярость опять накатила. Как тогда, когда Машунька сказала, что — всё. Что хватит с нее. Что теперь она будет с Филькой. У того хоть деньги есть на кафе. А когда он обозвал ее... Ну нехорошо обозвал, несправедливо... Ярость, ярость! Уже на себя! Серёга матернулся и сжал в кулак руку. С силой, до боли. Будто вгоняя, вдавливая назад и слова обидные, и Машунькино «Да пошел ты!..». И кровь эту жуткую...

— Эй, ты!

Серёгу довольно грубо подняли. Мужики какие-то. Нет, парни.

— Что ты с ней сделал, ушлепок?!

Серёга молчал. Тело вдруг стало ватным.

Один из парней схватил Серёгу за руку, зачем-то задрал рукав куртки, с силой ткнул пальцем в запястье. Может, в болевую точку хотел попасть, но не попал.

— Да вижу я,— пробормотал второй парень и присел рядом с Машунькой.

Увидев, как второй парень расстегивает блузку Машуньки, Серёга рванулся, выкрутился из захвата...

И, схлопотав по затылку, осел на асфальт.

Но не отрубился, только в глазах помутнело.

— Геныч,— позвал второй,— чё-то я не понимаю, глянь-ка...

Тот, что врезал Серёге, присел рядом с приятелем.

Серёга поднялся. Качнуло, но на ногах устоял.

Машунькин плоский животик весь перепачкан кровью, лифчик тоже в крови с нижних краев...

Второй поднял голову, посмотрел на Серёгу снизу, уже не сурово, а как-то растерянно:

— Слышь, пацан, чья это кровь?

— Ее,— сипло выдохнул Серёга.

— Ты, блин, дурачка не строй! — Первый выпрямился так резко, что Серёга отшатнулся.— Чья кровь, спрашиваю? Убили кого?

— Никого! — выкрикнул Серёга, отпихивая парня и готовясь врезать.— Сказал же — ее!

— Быть того не может!

— Как это — не может?

— А так,— спокойно ответил второй.— Кровь, пацан, она может только из отверстий вытекать. Из естественных. Из коих кровотоечения у нее нет. А также из искусственных. А таковых я тоже не обнаружил.

— Ты что, доктор? — недружелюбно спросил Серёга. Парень хмыкнул.

— Представь, пацан, именно доктор. И он тоже доктор,— кивок на второго.— Эксперт. И, заметь, мы с ним не стоматологи, а... травматологи. Улавливаешь идею, пацан?

— Это ее кровь! — мрачно буркнул Серёга.

Он вообще теперь ни хрена не понимал.

— Ген, ты ее закрой, что ли,— сказал второй.— Не лето. Замерзнет.— И Серёге: — Ну колись, пацан!

— Да пошел ты! — Серёга отпихнул резкого доктора.— Иди куда шел... Травматолог!

И увидел, что оба они как-то странно смотрят на его правую руку. С брезгливостью такой и опаской... Будто змею увидели.

— Вскрылся, гаденыш,— злобно бросил второй.— Минусуй его, Генка!

Первый доктор внезапно оказался совсем рядом, и Серёга ощутил жуткий холод в животе справа. Скосил глаза и увидел рукоятку ножа. Черную с зеленым камешком. А лезвие ножа было внутри. В нутре. У Серёги. Ух, какое оно было холодное!

— Девчонка еще,— сказал второй.— Надо подчистить.

Спокойно так сказал, будто деньги за билет передать попросил в маршрутке.

И снова на Серёгу накатила ярость. Будто огонь в груди вспыхнул, разлился и вытолкнул из бока ледяной нож. Серёга оттолкнул первого, а второго правой рукой схватил за волосы и тоже отшвырнул. Метра на три отшвырнул. Мимолетно удивился собственной силе...

И она ему пригодилась, когда первый прыгнул на спину, вцепился в горло пальцами, будто когти вонзил. Серёга перехватил запястья, сдавил...

И запястье «доктора» в правой руке Серёги тут же стало скользким. От крови.

«Доктор» заверещал, хватка разжалась. Серёга развернулся и уже по-простому врезал в щи. «Доктор» рухнул мордой в асфальт и притих.

Его дружок тоже лежал тихонько. У него из кармана выпал автомобильный брелок.

Серёга поглядел на Машуньку. Кровь вроде больше не текла. Может, эти... доктора что-то сделали. А может, сама перестала. Вот же непонятки. По-любому, отсюда надо срочно валить. И Машуньку забрать. Домой. В тепло.

Доктора валялись в отключке. Как же он их, двух здоровых парней,— так ловко вырубил? Стресс, наверное.

Взгляд упал на выпавший брелок. Серёга подобрал его, нажал на кнопку.

Пискнуло совсем рядом, на улице. Ага. Это удачно.

Серёга, поборов брезгливость, обшарил «доктора». Мобильник, бумажник с документами, пропуск... Да, не соврал парень. Действительно врач. Отделение травматологии... Тут Серёга брал внимание на странную татуировку доктора. На тыльной стороне ладони — змея с лицом девушки. Собственно, странным было не сочетание, а само лицо: мастер-татушник был просто гений. На крохотном, меньше ногтя, личике застыло такое выражение ужаса, какое Серёга видел только в кино.

Глава вторая

Санкт-Петербург. Александр Первенцев. Друг

- Санёк! Санёк! Ты чего молчишь?
- А ты мне слово вставить дай,— перебил Санёк.— Чего у тебя, Серый? Кто тебя обидел?
- Не по телефону, понял! Приезжай быстрее! — Голос сорвался на визг.— Быстрее, понял!
- Это я понял. Не понял куда?
- Ко мне, блин! Домой, разб...! — Серёга наконец сумел взять себя в руки и добавил поспокойнее: — Только ты это, осторожнее, понял?
- В каком смысле? — Санёк насторожился и ощутил, как вдруг запульсировала татушка на руке. Фигасе! Раньше такого не было. Санёк поглядел на рисунок. Черный зверек-сфинкс... Что-то в нем переменялось. Но разобраться было некогда.
- В каком смысле — осторожнее?
- Заходить будешь, осмотришь там у подъезда. Чтоб не следил никто.
- Понял. Жди.
- Что ж, осторожней — это он теперь умеет. Спасибо Игре и Фёдрычу.
- Надев куртку, он вложил в подрукавные карманы ножи. Ножи ему сделали под заказ. Клинки правильной

формы, рукояти, подогнанные под ладонь. А вот конструкцию карманов он потырил в Интернете. Удобная штуковина. Подцепляешь большими пальцами шнуры — рывок, ножи освобождаются и соскальзывают прямо рукоятками в ладони.

До сих пор Санёк пользовался ими исключительно в зале, но знал: если придется защищаться, клинки не подведут.

«Если бы ты со шпагой так работал, как с ножиками своими, я б тебя не на район — на город выставил. И уверен: минимум бронза твоя была бы,— сказал как-то Санёк тренер.— Я б сам поучился у того, кто тебя учил».

Санёк тогда отмолчался. Фишка в том, что его-то никто не учил. Само пришло. Память предков, не иначе.

— Мам, я к Серёге,— бросил Санёк в сторону кухни и, не дожидаясь реплик вроде: «...а лекций сегодня нет, что ли?» — покинул отчий дом.

У Серёгиного подъезда никто не караулил.

Зато в самом подъезде — мрак полный. И — шевеление на площадке. Санёк застыл.

Но тут ширкнула зажигалка, и Санёк увидел самого обычного бомжа.

— Шагай, пока горит,— хрипло сказал бомж. И прикурил.

Санёк выпустил шнуры ножей. Бомж и не знал, от чего был — на волосок.

Серёгина «хрущоба» выглядела еще неопрятнее, чем раньше.

— Ботинки не снимай,— предупредил Серёга, пока Санёк вешал куртку на гвоздь рядом с Серёгиной. И еще одной, которая когда-то была белой. Опаньки! Да это ж кровь! Причем относительно свежая. И Серёгина куртка тоже замызгана.

— Это то, что я думаю? — поинтересовался Санёк, тыча пальцем в багровую корку.

— Пошли! — Серёга ухватил Санька за рукав.— Сейчас покажу.

И показал.

— Бля,— только и сказал Санёк. А что еще он мог сказать? На Серёгиной кровати, на сероватых застиранных простынях, лежала Машунька. Нет, то, что она лежала на Серёгиной кровати, это всё путём, раз она была Серёгиной подружкой уже почти полгода. А вот что лицо ее было примерно того же цвета, что и простыни, а блузка заскорузла от крови, уже совсем не нормально.

Санёк присмотрелся — и вздохнул с некоторым облегчением. Жива. Грудь чуть шевелится. Дышит. С Серёги случилось бы: пригласить Санька для того, чтобы избавиться от трупа.

Хотя именно так и проверяются друзья, разве нет?

Еще несколько месяцев назад Санёк от вида окровавленной девушки мог бы и растеряться.

Но не теперь. Не после Игры.

— Что у вас произошло? — осведомился он.

Друг глянул на Санька с изумлением. Слишком уж спокойно прозвучало.

— Чтоб я понимал...— пробормотал он.

— Она ранена?

— В том-то и дело, что нет!

Серёгу вдруг затрясло.

— Нет! Не знаю! — закричал он, размахивая руками.— Ничего я не знаю!

— Не ори! И крыльями не хлопай. Кровь — чья?

— Да откуда я знаю!

Санёк ухватил друга за плечи и встряхнул как следует. Серёга ойкнул: язык прикусил.

«Горячее и сладкое снимает стресс»,— всплыла в памяти фраза Фёдрыча.

— На кухню,— сказал Санёк.— Чай. С сахаром. Потом — рассказ. Понятно?

— Угу.

И они пошли на кухню.

Внутренний подсказчик не солгал. После чая Серёга подуспокоился и начал говорить внятно:

— ...Ты, говорит, лох и в жизни ничего не достигнешь! На хрен ты мне такой нужен, говорит! Меня, говорит, Филя в Таиланд приглашает, а ты, блин, в дешевый клубешник! А я не дешевка! Поищи, грит, себе такую попроще, а ты мне нах не упал!

— Так и сказала? — уточнил Санёк.

— Ну примерно так.

— И ты?..

— А я, брат, не сдержался. Нам же в кайф вместе! Она ж говорила, что любит! Ну я и обозвал ее проституткой.

— Дурак! — констатировал Санёк.— Машунька — дурочка, сам знаешь, но, кроме тебя — ни с кем. Только глазками блымакает.

— Дурочка,— охотно согласился Серёга.— И я дурак. Но ты ж понимаешь...

— Понимаю,— подтвердил Санёк.— Дальше — что?

— Дальше она драться полезла.

— Вот это на нее похоже,— Санёк усмехнулся.— А ты?

— А я ее оттолкнул. Просто оттолкнул, прикинь! Сильно, правда, потому что разозлился. Ну так было же с чего! А у нее кровь хлынула. Прямо вижу, как куртка мокнет! Не понимаю ничего! — Серёгу опять затрясло.

— Хорош истерить! Она точно не ранена?

— Точно, блин! Стопудово! Ты дальше слушай, это не все еще...

— Так...— пробормотал Санёк, когда Серёга дошел до момента отъема ключей и упомянул татушку на руке

у «доктора». — Змея с человеческим лицом, значит? Сюда глянь, — Санёк сунул другу под нос правую руку. — Что видишь?

— Грабку твою, — буркнул Серёга.

— Больше ничего?

— Думаешь, я кислоты нажрался? А вот хрен! Точно была змея. С человеческой рожей. Да хоть с какой... — Серёга явно не придал татуировке значения. — Короче, машину я нашел, подогнал, Машуньку на заднее закинул и сюда привез.

— Машина где?

— У площадки детской. Ключи я на сидуху бросил. Я не вор.

— Ты — дурак, — в очередной раз констатировал Санёк, поднимаясь.

— Пойдем, глянем на девушку твою... бледную.

Серёга не соврал. И «доктор» загадочный тоже не ошибся. Раны не было. Кожа чистая. Вернее, не чистая — испачканная кровью, но целая. И трусики чистые. Зато дыхание слабое-слабое. И пульс. И выглядит скверно. Что легко объяснить, если кровь действительно Машунькина. Тут пол-литра вытекло, не меньше. Хотя непонятно, откуда. Много чего непонятно. Но если это имеет отношение к Игре, то непонятки — это нормально.

— Одеяло дай! — велел Санёк. — Мерзнет она. Я сейчас вернусь.

— Ты куда? — Мысль о том, что Санёк уйдет, Серёгу напрягла.

— Машину эту гляну. И вернусь, не беспокойся. Что за машина, кстати?

— «Ниссан Патрол». Здоровая такая тачка.

— Я в курсе.

Санёк надел куртку.

— Если очнется — чаем ее напоишь. Очень сладким, понял? Мёд есть?

Серёга мотнул головой.

— Тогда с сахаром. Или с вареньем.

— Угу. Но ты это, недолго.

Бомж с площадки куда-то пропал, и Санька это насторожило. Однако на улице его нехорошие люди не ждали. И внедорожник стоял там, где его оставил Серёга. Открытый. Ключи на сиденье. И брелок... Очень интересный брелок, однако.

Санёк полез в карман и достал свой. Так и есть. От одного производителя девайсы. Только у Санька черный сфинкс с человечесьей рожей, а на этом — черная же змеюка с девичьим личиком.

Ладно, разберемся.

Санёк закрыл машину. Снаружи. Ключи прихватил с собой. Появилась мысль: показать ключики там, где в этом разбираются. Но сначала — подробности великой битвы.

Когда Санёк вернулся, Машунька уже пришла в себя. Сидела в любимом Серёгином свитере, пила чай, лопала шоколад и слабеньким голоском костерила Серёгу.

Серёга, надо отдать ему должное, помалкивал. Терпел. Хотя, судя по рожке, ему очень хотелось ответить.

Когда-то в бесконечно удаленном прошлом, до Лики, Машунька Саньку нравилась. Вся такая складная, крепенькая, решительная. И при этом — глазищи такие наивные-наивные...

Но ничего у них не было. Серёга четко обозначил: «мое», и Санёк тоже установил дистанцию. Длинную. Теперь — пожалел. Доверие не помешало бы.

— Короче, так, голубки, я хочу знать, что там у вас произошло, в подробностях.